

Глава 20

После того как Цяо Си принял лекарство, ему стало намного лучше, но мысли о потраченном впустую полмешка муки всё ещё бередили ему душу. Он объяснил свою цель Шань-Даге. У Шань-Даге не было возражений, и он бодро вытащил из дровяного сарая бамбуковую лестницу, даже предложив помочь починить крышу.

Шэнь Игуань, естественно, забрал лестницу из его рук и холодно произнёс: «Нет нужды вам это делать».

В его тоне чувствовался скрытый вызов. Шань-Даге не заметил этого, но Тао Инь — да. Он скрестил руки, оглядывая Шэнь Игуаня с ног до головы, словно что-то разглядывая.

Пока это был не тот мерзавец Сюцай Хэ, Тао Иню было всё равно, с кем общается Цяо Си. К Сюцай Хэ он испытывал только презрение.

Раз уж они одолжили лестницу, а головная боль Цяо Си утихла, он не хотел задерживаться в чужом доме. Немного отдохнув, он решил взять Шэнь Игуаня с собой и заодно проводить доктора Линя.

Когда они дошли до перекрёстка, где доктор Линь должен был свернуть, Цяо Си между делом спросил о Сяо Чжуцзы. «Он не заходил ко мне поиграть в последние несколько дней. Он всё ещё болеет?»

Услышав упоминание о Сяо Чжуцзы, Линь Цзинчжоу слегка помрачнел и молча вздохнул. «Не очень хорошо».

Даже доктор Линь сказал, что всё плохо — Цяо Си встревожился. «Почему его болезнь внезапно обострилась? Я принесу ему вкусной еды через несколько дней».

Линь Цзинчжоу сжал губы, молча кивнул, а затем протянул Цяо Си белый фарфоровый флакон. «Принимай лекарство. Если головная боль вернётся, прими одну пилюлю».

«Но это не чудодейственное средство. Чрезмерное употребление вредно для тебя. Тебе всё ещё нужно отдыхать и избегать эмоциональных потрясений».

«Хорошо», — Цяо Си принял флакон и искренне поблагодарил его: «Спасибо, и будьте осторожны на обратном пути».

Поскольку вся деревня знала об ужасном чувстве направления доктора Линя, Шань-Даге провожал его обратно той же дорогой. Они ушли вместе.

Теперь остались только Цяо Си, Шэнь Игуань и Тао Инь.

После всего, что произошло, Тао Инь больше не вёл себя так колюче и саркастично. Но его гордость всё ещё не позволяла ему опустить голову — он стоял, скрестив руки, и выглядел так, будто даже взглянуть на Цяо Си было для него усилием.

Но Цяо Си помнил, что когда ему было больно, кто-то держал его за руку и утешал тихим голосом. Ладони были тёплыми.

«Спасибо», — искренне поблагодарил Цяо Си Тао Иня.

Тао Инь отреагировал как кошка, которой наступили на хвост, вскочил и начал отрицать: «Я не

понимаю, о чём ты говоришь!»

Он подошёл к калитке и, оглянувшись на Цяо Си, добавил: «Я слышал, Сяо Чжуцзы помог тебе. Я спрошу у брата, не знает ли он, где найти хорошего врача, и посмотрю, смогу ли я дать тебе немного лекарственных трав».

«Ты должен знать, что после падения в воду я потерял много воспоминаний. Даже сейчас я не знаю твоего имени», — медленно сказал Цяо Си. «Что касается того, что ты сказал о том, что я приказал Сюцай Хэ навредить тебе, возможно, это недоразумение».

Услышав, что Цяо Си даже не помнит его имени, Тао Инь надул губы, выглядя очень недовольным. Но он также знал, что не может настаивать, поэтому сдержал свой острый язык и пробормотал: «Не помнишь, так не помнишь! Думаешь, мне есть до этого дело?»

«Ты просто бессердечный дурак!»

Цяо Си вздохнул.

Он предположил, что характер Тао Иня, должно быть, относится к тому типу, с которым ему раньше было трудно справиться. В терминах аниме это был классический тип «цундэрэ». Дружить с цундэрэ требует сильного сердца — нужно выдерживать их колкие слова и разгадывать скрытые намерения, иначе это будет изнурительно.

Увидев, что Цяо Си замолчал, Тао Инь вспомнил о его недавней головной боли и пожалел, что так быстро заговорил. Но он всё ещё не мог заставить себя извиниться, поэтому просто отвернулся с фырканьем и пробормотал: «Раз ты утверждаешь, что это недоразумение, я подожду, пока ты восстановишь память, и тогда выслушаю твои оправдания».

После этого он украдкой взглянул на Цяо Си, пытаясь казаться безразличным, и представился: «Так что запомни это — я Тао Инь!»

«Если ты снова меня забудешь, я никогда тебя не прощу!»

Цяо Си кивнул. «Хорошо, Тао Инь».

Его тон был вежливым, но отстранённым.

Услышав своё имя, произнесённое так официально, у Тао Иня покраснели глаза.

Хотя он вёл себя так, будто всё ещё обижен на Цяо Си, эти последние два-три месяца тоже были для него нелёгкими.

Он хотел напомнить Цяо Си: «Ты раньше называл меня Иньинь, как и Шань-Даге». Но, вспомнив, что Цяо Си перед ним потерял память и больше не узнаёт его, а также все ужасные вещи, которые произошли между ними — даже если они помирятся, он не был уверен, что они смогут вернуться к тому, что было раньше.

Лицо Тао Иня было полно боли и разочарования, отчего Цяо Си внезапно почувствовал себя виноватым.

Он знал, что он не тот «Цяо Си», которого ждал Тао Инь. Настоящий Цяо Си, вероятно, умер, его душа давно ушла. Но он не осмеливался говорить об этом — боялся, что его обвинят в том, что он демон, и сожгут на костре. Он только надеялся, что если Тао Инь когда-нибудь узнает

правду, он не возненавидит его за это.

Что касается Сюцай Хэ, Цяо Си хотел узнать больше. Поэтому он сердечно пригласил Тао Иня в гости. Тао Инь упрямо сказал, что ему неинтересно, но его ноги выдали его — когда они прибыли, он немедленно сел так, будто был хозяином дома, выглядя даже более комфортно, чем у себя. Он явно был очень знаком с домом, вероятно, бывал здесь бесчисленное количество раз.

«Твоя собака стала ещё уродливее», — сказал Тао Инь, взглянув на чёрную собаку, сидящую в углу. Он презрительно фыркнул. «По крайней мере, она теперь толще — не выглядит такой жалкой».

Пока они разговаривали, Шэнь Игуань забрался на крышу с лестницей, укладывая бамбуковые доски и забивая их. Если бы не травма ноги, ему бы даже лестница не понадобилась — он мог бы легко запрыгнуть с помощью техники легкости. В таком случае Шань-Даге вообще бы не понадобился.

Хотя он казался сосредоточенным на работе, Шэнь Игуань на самом деле внимательно слушал разговор внизу. Благодаря его острому слуху он слышал каждое слово.

Цэньэр, заинтригованный новым красивым гостем, украдкой выглядывал из-за дома, но не решался подойти.

Тао Инь сразу заметил его и нахмурился. «Откуда взялся этот малыш?»

«Он просто временно поживёт у меня», — ответил Цяо Си, наливая Тао Иню воды и протягивая ему упаковку сушёных фруктов.

Тао Инь действительно заинтересовался угощением. Жуя курагу, он лениво поучал: «Я тебе говорю, перестань быть таким мягкосердечным. Ты сам о себе позаботиться не можешь, а теперь ещё и ребёнка воспитываешь?»

«Именно поэтому Сюцай Хэ умудрился выманить у тебя все деньги!»

Уши Цяо Си насторожились. «Сколько он у меня выманил?»

Тао Инь закатил глаза. «Разве «всё, что у тебя было» — это не ответ?»

«В то время, если бы ты послушал меня хоть немного и не поставил на него всё своё состояние, разве ты бы сейчас бедствовал, не имея возможности даже купить еду?!»

«Ты постоянно говорил, как трудно ему готовиться к императорским экзаменам, что дорожные расходы до столицы и связи, которые ему нужно установить после прибытия, будут стоить целое состояние. Если бы этот дом предков нельзя было продать, держу пари, ты бы отдал даже свой дом!»

По мере того как Тао Инь говорил, он всё больше расстраивался. «Тебе и так было трудно обрабатывать этот клочок земли в одиночку, а после осеннего урожая ты продал всё, чтобы раздобыть денег для Сюцай Хэ. Ты даже чуть не испортил зрение, вышивая сверх меры, чтобы накопить. У тебя часто болела голова от перенапряжения, и каждый раз именно я носил тебя к доктору Линю!»

«Я говорил тебе не доверять этому мерзавцу слишком сильно...» Он замолчал на полуслове,

как будто боясь ранить Цяо Си, сглотнул проклятие и выплюнул: «Этот Сюцай Хэ с самого начала не выглядел порядочным человеком! Но ты просто бросился к нему, как будто ничего не стоишь!»

Тао Инь всё ещё кипел от злости. «Он говорил тебе, что возьмёт тебя с собой в столицу на экзамены, что, когда получит титул, женится на тебе...»

«Тьфу!» — он презрительно сплюнул. «Если бы не тот факт, что у тебя нет родителей, ты простодушен и тебя легко обмануть, посмел бы он так обманывать тебя?»

«Он нёс чушь, а ты верил каждому слову! И что в итоге? Он отправился в город, подлизался к господину Ли, сразу стал его зятем и тут же отвернулся от тебя!»

Пока Тао Инь продолжал свою тираду, Цяо Си слушал внимательно.

Неудивительно, что когда он вселился в это тело, в доме не было еды, ни единого зерна. Он недоумевал, почему прежний хозяин ничего не припас на зиму — ни еды, ни одежды, ни постели — теперь всё стало ясно.

Это была такая избитая история, ничем не отличающаяся от тех трагических любовных романов, где глупая женщина влюбляется в бессердечного мужчину, только здесь роли были перевёрнуты. Но по сути — то же самое. Из отрывистого, но гневного рассказа Тао Иня Цяо Си мог примерно восстановить произошедшее.

Сюцай Хэ был не родом из деревни Таое; он пришёл сюда только потому, что открылась новая школа, и его пригласили преподавать. У него действительно был литературный талант, который быстро завоевал ему восхищение многих деревенских девушек.

Тем временем прежний Цяо Си, осиротевший в раннем возрасте и неграмотный, воспылал чувствами к хорошо одетому, изящному Сюцай Хэ после того, как несколько раз обращался к нему за помощью. Его влюблённый мозг затуманил рассудок, а так как не было старших, чтобы направить его, он падал всё глубже, полностью теряя себя в этих отношениях.

Жалко и печально.

«Ты был слеп!» — выругался Тао Инь, теперь обращая свой гнев на Цяо Си. «Ты даже ссорился со мной несколько раз из-за него, говорил мне не придирайтесь к нему всё время. Если бы не ты, я бы давно велел своим братьям забить его до смерти!»

Когда Тао Инь услышал, что Цяо Си бросили, он бросился к его дому, боясь, что тот может сделать глупость, но опоздал.

Затем он услышал, что Сяо Чжуцзы спас Цяо Си и что тот потерял память. Тао Инь не мог с этим смириться. Он хотел навестить его много раз, но всякий раз, когда вспоминал их прошлые ссоры, его упрямая гордость останавливала его.

«На самом деле...» — он колебался, жуя курагу, и говорил медленно: «Шань-Даге тоже сказал, что маловероятно, чтобы ты приказал Сюцай Хэ напасть на меня, и говорил мне не верить его односторонней версии».

«Я знал в душе, что этот мерзавец мутит воду, и никогда не верил этому полностью». Выражение лица Тао Иня стало душераздирающе горьким. «Мне было просто... грустно. Десять лет дружбы, а в итоге я был не так важен тебе, как тот, кого ты знал всего год».

Цяо Си молча слушал, пока он не закончил, чувствуя только глубокое сожаление.

Возможно, у каждого так называемого «глупца, лишившегося рассудка от любви» были свои причины. Как и у прежнего «Цяо Си», который, слишком рано потеряв родителей, принял мусор за сокровище, поверив, что наконец нашёл того, кто действительно любит его, и что они будут вместе вечно.

Но всё это было лишь иллюзией — окончательным предательством.

Однако, будучи человеком, занявшим тело другого, Цяо Си не имел права осуждать выбор прежнего хозяина. Даже если он не разделял его ценностей, этот долг всё равно нужно было вернуть.

Он поднял глаза, его голос был спокоен, но твёрд.

«Ты прав. Он не более чем бессовестный мерзавец».

«Долги должны быть оплачены. Если ты убил человека, ты платишь своей жизнью. Таков закон мира».

Шэнь Игуань внезапно остановился.

Тао Иню показалось, что в его ушах прогремел гром. Курага выпала из его руки на стол.

<http://bllate.org/book/17973/1728111>